

УДК: 82-94

DOI: 10.31857/S2686673023050048

EDN: CIJUVU

«Не трогайте Юру – он фронтовик»

С Георгием Аркадьевичем Арбатовым я познакомился в начале 1960-х годов в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, куда я поступил в аспирантуру в 1961 г. Это было время хрущевской оттепели: в воздухе веяли ветры перемен, люди стали громче говорить, и появилась возможность непредвзято и критично взглянуть на историю своей страны, её недавнее прошлое и настоящее, на реальные перспективы и задачи, определяющие её судьбу. Одним из «мозговых трестов» в это время стал Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР, который был наследником Института мирового хозяйства и мировой политики, созданного до войны для того, чтобы анализировать мировые тенденции экономики и политики под эгидой Коминтерна (распущенного в 1943 г.). Руководителем того коминтерновского «мозгового треста» был известный советско-венгерский учёный, академик Е.С. Варга.

Г.А. Арбатов пришёл в воссозданный институт из журнала «Проблемы мира и социализма», издававшегося в Праге и бывшего своего рода наследником Коминтерна, поскольку его редколлегия состояла из представителей многих коммунистических и рабочих партий. Георгий Аркадьевич стал заведующим сектором в отделе международного рабочего движения, где я был аспирантом. Уже с момента его прихода было очевидно, что он работает у нас во временном переходном режиме, потому что вокруг него витали слухи о том, что он вот-вот перейдёт на очень ответственную работу в ЦК КПСС, где станет одним из консультантов вновь создавшегося отдела по социалистическим странам. Арбатов сразу расположил меня к себе своим гибким нестандартным умом и подходом к проблемам, своими необычными и новаторскими размышлениями о вещах, которые позднее стали для многих самоочевидными, а в те времена в его ярком и очень ёмком исполнении, воспринимались как глубокие и серьёзные задачи, которые необходимо обдумывать, осмысливать и решать. Было заметно, что ему понравилась атмосфера, которая царила тогда в институте, и особенно в нашем отделе. Атмосфера непринуждённости, свободы мнений, принципиальности и вместе с тем такого корпоративного товарищества, я бы сказал, зрелого студенчества в хорошем смысле этого слова. Я помню на каком-то из праздников мы пели новые, только что ставшие популярными, песни молодых, советских бардов. И поскольку одним из них был мой товарищ по пединституту Юлий Ким, его песни я хорошо знал, я оказался не последним солистом нашей научно-товарищеской компании. Хорошо помню, какое приятное и, я бы сказал, подбадривающее выражение лица вызывали эти песни и шутки молодёжной части

нашего коллектива у Георгия Аркадьевича, когда мы собирались вместе на праздничные даты. Это было интересное, яркое и светлое время. Вскоре Георгий Аркадьевич действительно нас покинул и перешёл на работу в ЦК, где стал консультантом отдела по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран под руководством Ю.В. Андропова. Вторая важная для меня встреча с Георгием Аркадьевичем произошла уже в журнале «Проблемы мира и социализма», куда я уехал на работу в 1965 г. сразу после защиты диссертации. Мы встретились в 1967 г. во время совещания в Праге руководства европейских коммунистических и рабочих партий. Арбатов был в составе нашей делегации. Он пришёл в мой кабинет в журнале и без обиняков сказал: «Я тебя знаю по институту, поэтому я думаю, что ты будешь полезен в группе консультантов, которую теперь я возглавляю. Так что я тебя приглашаю туда, и это можно будет реализовать примерно месяца через три-четыре». Следует напомнить, что тогда в Праге начинались процессы, которые потом вошли в историю под названием Пражской весны, и я, конечно, самым внимательным и причастным образом смотрел на то, как формировалась и реализовывалась Дубчеком и его ближайшими коллегами концепция «социализма с человеческим лицом». Я хорошо понимал, что мне посчастливилось: «посетить сей мир в его минуты роковые», и этот мир мне покидать уже не хотелось. Поэтому я сказал Георгию Аркадьевичу, что жалко будет уезжать в столь интересное время. «Подумай, – сказал он на это, – но время не ждёт». Я стал тянуть с приглашением, а тем временем ситуация в ЧССР обострилась, и в августе 1968 г. произошли известные события - ввод войск пяти стран Варшавского договора в ЧССР. Поскольку я выразил несогласие с этой акцией, меня отправили в Москву и сняли с работы. Когда я нанёс прощальный визит в ЦК, я обнаружил, что в комнате, где обычно сидел Арбатов, находился другой человек. Это был Георгий Хосроевич Шахназаров – отец нынешнего известного кинорежиссера. На мой вопрос, где Арбатов, ответил, что он больше не работает здесь, так как назначен директором вновь созданного Института США Академии наук и, насколько я помню, именно он дал мне его новый телефон. Я позвонил и услышал голос Георгия Аркадьевича. В трубке помимо этого слышался, веселый, непринуждённый, приятно знакомый, характерный шум весёлого застолья. «Володя, – сказал он, – хорошо, что ты позвонил. Как раз вовремя. Мы тут празднуем новоселье. Нам дали во владение здание на Арбате в Хлебном переулке. Приходи и поговорим». Потом я узнал, что о моей кандидатуре в качестве сотрудника института у Георгия Аркадьевича был серьёзный разговор с Юрием Андроповым. Тот без энтузиазма дал согласие на мой приём в институт «под ответственность» директора. «Ответственность» по тогдашним канонам означала, что со мной будет всё более или менее в порядке, «по части политической, по части боевой». То есть, именно Арбатов отвечает за то, чтобы я не оказывал «негативного влияния» на коллектив, скажем так. Позднее эту ситуацию в присущей для него грубой, остроумной, и весьма циничной

форме охарактеризовал близкий друг Арбатова, (который стал и моим другом через некоторое время). Я имею в виду знаменитого политического обозревателя Александра Бовина. До того, как стать обозревателем, он был консультантом того же андроповского отдела ЦК. Встретив меня в Доме журналистов, он изрёк: «Ну, что, профессор? (он называл меня профессором). Юра Арбатов по-прежнему оберегает тебя от советской власти?» Надо признать, что в этом заявлении была довольно серьёзная доля истины. Потому что далёко не только меня, но и многих других он защищал в то время. Тех, у кого были проблемы с тогдашними властями. Под крылом Георгия Аркадьевича, я работал так долго, как не работал нигде, а именно – 19 лет. Это было замечательное время. Именно там и тогда я профессионально стал заниматься изучением Соединённых Штатов. Моим «узким профилем» стало отслеживание и анализ обстановки на стыке Америки и Дальнего Востока, Америки и Китая. И докторскую диссертацию я написал на тему о выходе на арену глобальной политики «треугольника» СССР – США – Китай в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Я, как и мои коллеги по институту, в тесном общении друг с другом, становились американистами, отмечая привычные штампы идеологизированных клише. Обстановку, которая сложилась в институте под умелой режиссёрской рукой директора, была поистине уникальна для того времени. Это была атмосфера полной свободы мысли, всестороннего и объективного обсуждения всех острых проблем. Георгий Аркадьевич упор делал на то, чтобы не только понять, что действительно представляет собой такое сложное противоречивое многослойное общество, каковым является Америка, американская экономика, американская культура, американская политика. Его особо волновала прикладная, «консультантская», сторона дела. Он толкал нас в направлении «конкретных рекомендаций», каким образом можно использовать реальные тенденции, которые существуют внутри Соединённых Штатов для того, чтобы обеспечить политическую и экономическую выгоду для Советского Союза. А время в нашей стране было тяжёлое и очень непростое. Время, когда всё отчётливее всплывали на поверхность нарастающие проблемы, которые привели в скором времени к крушению этой огромной и сложной страны. Арбатов ясно ощущал это и разрулить этот зловещий тренд считал одной из главных своих задач. Мы это чувствовали и ставили те же задачи перед собой. Я бы сформулировал две главные из них, которые он ставил перед коллективом института:

Во-первых, максимально возможно использовать американское научно-техническое лидерство для экономического развития нашей страны, преодоления «комплексного застоя».

Во-вторых, добиться прочной и необратимой разрядки международной напряжённости, деэскалации ядерной угрозы. Будучи фронтовиком, Георгий Аркадьевич яснее других понимал, что приоритетом приоритетов было предотвращение военного конфликта с США, ибо это самое ужасное, что может случиться. Однажды он так сформулировал эту позицию, когда в очередной раз

упрекнул меня за слишком тесные и близкие дружеские отношения с некоторыми известными диссидентами. Он сказал мне с наигранно серьёзным дружелюбием: ты чего занимаешься внутренними делами? Тебе что, не нравится то, что мы предлагаем, что мы стараемся сделать во внешней политике? Я ответил: конечно, мне это нравится, я с удовольствием работаю в этой области. «Вот и занимайся внешней политикой», – назидательно проворчал он. Только позднее я узнал, что Георгий Аркадьевич многое сделал для того, чтобы я смог оставаться в институте.

Я чувствую неловкость, поскольку довольно много говорю о себе, а не об Арбатове. Проблема в том, что мне хочется включить в рассказ о нём то время, в которое ему пришлось работать и без которого непросто понять и оценить его как человека. Это был человек незаурядного ума и уникального жизненного опыта. Я бы характеризовал его ум, как ум человека очень гибкого и очень глубокого одновременно. Он был достаточно гибок, чтобы понимать и тонко чувствовать возможности и пределы конструктивных и позитивных действий и вполне на уровне той глубины, которая позволяет соизмерять потребности повседневности с более глубинными и долговременными процессами в развитии мира и страны. Он не любил абстрактных рассуждений. В какой-то мере был стихийным материалистом и по-марксистски критерием истины считал прежде всего практику. Но при этом он, несомненно, имел твёрдые базовые нравственные императивы, через которые не мог и не хотел преступить. Именно этими императивами были продиктованы его жизнь, его судьба.

Его личное восприятие мира во многом связано с тем, через что он прошёл. Георгий Аркадьевич был человеком, в семье которого были репрессированные родственники. Он хорошо знал, что это значит. Он знал не понаслышке, что такое варварские методы решения политических проблем, всеми силами он ненавидел это и понимал, что с этим надо бороться и не допустить повторения в нашей стране ничего подобного. Его молодые годы прошли в страшное время первых лет Великой Отечественной войны, большую часть войны он был на фронте. Арбатов – человек того же поколения, что и замечательный поэт-фронтвик Давид Самойлов, который создал поистине бессмертные строки:

*Перебирая наши даты,
Я обращаюсь к тем ребятам,
Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом.*

Георгию Аркадьевичу было суждено стать частицей и воплощением нашей военной легенды. Ведь он был участником парада 1941-го года, а не 1945-го, что исключительно почётно, но всё же не так, как в 1941 году. Он был одним из первых командиров подразделения знаменитых «катюш». Его военная судьба формировала в нём, в его душе уникальное сочетание, я бы сказал, неразрывную связь между чувством патриотизма, сопричастности с жизненными интересами

своей страны и одновременно, стремлением любой ценой и невзирая ни на какие усилия, а иногда и на прямой риск, отстаивать приоритет мирного курса, мирной ориентации в выборе альтернатив для обеспечения безопасности своей страны.

Арбатов прекрасно понимал, что настоящая прочная безопасность страны и мира немислимы без каких-то базовых предпосылок, которые надо создавать, и в этом смысле внешняя и внутренняя политика теснейшим образом связаны. Он был убежден, что необходимо добиться серьёзных конкретных результатов упрочнения международной безопасности, как ядерной, так и в более широком аспекте. Поэтому он всячески поощрял расширение исследовательской сферы института, включая в неё и важнейшие аспекты европейской безопасности и, что особенно было близко исследовательским интересам, отношения в глобальном «треугольнике» СССР – США – КНР.

Разумеется, эта тематика была объективно связана с базовыми проблемами разумных рациональных изменений как внутри нашей страны, так и вокруг неё. Роль Арбатова во внутренних дебатах, приведших к сдвигу нашей страны в сторону разрядки международной напряжённости за то, чтобы на Европейском театре противостояния двух блоков и в более широком плане стратегического соотношения ракетно-ядерных сил были достигнуты прямые конкретные и проверяемые результаты, неоценима и стала частью нашей и всемирной истории. Недаром академик А.Д. Сахаров в это же время выдвинул тезис о том, что контролируемый прогресс и устойчивый ядерный паритет являются двумя совершенно необходимыми условиями существования человечества в нынешнюю эпоху.

Но это с неизбежностью предполагало создание и непрерывное совершенствование взаимоприемлемой системы контроля за прогрессом вообще и ракетно-ядерным паритетом в частности. Таким образом, стратегический паритет и три знаменитые корзины Хельсинского акта 1975 года объективно увязывались в единое целое, и основатель нашего института был самым тесным и активным образом причастен к созданию этой структуры «единства и многообразия». Как любил говорить, артистично коверкая русскую фразу, американский президент Р. Рейган: «Доверяй, но проверяй!» - эта фраза предполагала создание такого механизма взаимного контроля, контроля «без дураков», без мелких обманов, который содействует росту доверия и формирует позитивную, морально нравственную среду не только в этих, но и во многих других, более широких сферах.

Иногда говорят, что конфронтационные отношения – болезнь заразная, и её бактерии отравляют многие поколения людей и целые нации.

Однако это спорное мнение. В начале 1970-х годов для многих казалось удивительным, что после 1968 года (событий в Чехословакии), когда уровень конфронтации между блоками достиг, казалось бы, предела и всерьёз говорили о возможности ядерной войны, уже в 1972 г. президент Никсон приехал в Россию, и начался процесс строительства системы контроля над вооружениями, а в

1975 г. был подписан Хельсинкский акт о создании СБСЕ, а затем и ОБСЕ. И это в условиях, когда стабильно существовал и не подавал сигналов о скором конце коммунистический режим. Следует подчеркнуть, что этот удивительный прогресс был отнюдь не безлик. Он, как и все исторические периоды, имел своих ангелов и демонов. Он происходил в условиях очень серьёзной, упорной борьбы сил движения вперёд с силами консервации как внутри США, так и внутри Советского Союза. Я намного позднее узнал то, о чём тогда лишь догадывался: когда периодически наши военные жаловались верховной власти на Арбатова, который мешал им втягивать страну в очередной этап изнурительной гонки вооружений, не кто иной, как Л.И. Брежнев прикрывал его, произнося одну лишь фразу: «Не трогайте Юру – он фронтовик». И это верно. Арбатов оставался фронтовиком и тогда, когда защищал страну на поле боя, и тогда, когда работал в институте. И делал всё, что мог для победы на этих фронтах. В трудное постсоветское время институт выжил и сыграл свою положительную роль в формировании российской внешней политики. В этом большая заслуга его второго директора С.М. Рогова.

При этом имя основателя Института США и Канады академика Г.А. Арбатова навсегда и совершенно заслуженно будет визитной карточкой института.

Владимир Петрович Лукин,

доктор исторических наук,
российский политик и учёный-историк,
политолог, профессор-исследователь
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики».

Чрезвычайный и Полномочный Посол,
посол Российской Федерации в США (1992–1994)